

Глобальный мир после кризиса

Вадим ЕЛФИМОВ,
кандидат
исторических наук,
доцент

На недавнем мировом экономическом форуме в швейцарском Давосе, посвященном модернизации современной мирохозяйственной и политической системы, неожиданно вырвались наружу довольно пессимистичные настроения. Конечно, они провоцировались второй волной экономического кризиса и опасностью самоликвидации еврозоны, этими наиболее горячими темами дня. Однако есть все основания полагать, что нынешний европейский и вообще глобальный пессимизм имеет более глубокие корни, обусловлен более сложными причинно-следственными связями, нежели обыкновенная цикличность капиталистических кризисов или несбалансированность валютных союзов.

Цикличность отражает борьбу лишь двух тенденций из всего их многообразия – борьбу между стремлением к максимальной капитализации экономик и невозможностью в связи с ограниченностью ресурсов насытить капиталами сразу все отрасли. Возникающий дисбаланс приходится маскировать или ретушировать при помощи спекулятивного капитала, поднимая и опуская фьючерсы и цены, разогревая или остужая те или иные отрасли. Или целые экономики. Вот почему мы наблюдаем четкую корреляцию: чем выше капитализация, тем выше и спекуля-

тивная составляющая. И кризис становится результатом успеха. Когда спекулятивных денег в экономике накапливается слишком много, раздается «бум!» – спекулятивный пузырь выходит наружу. Так что сама идея евро, как и вообще идея единой валюты, к кризису не имеет никакого отношения: евро же не виноват в том, что ради его создания объединялись «пузыри»!

Однако раньше, в доглобалистскую эпоху, спустя некоторое время после выхлопа и болезненного шока наступало облегчение. Через паузу депрессии, как через один сбивчивый такт, резко снизившая внутреннее давление экономика наиболее передовых государств снова была готова не выдавливать из себя, а всасывать. Что и требовалось для начала нового цикла, только всякий раз на еще более высоких оборотах. А за нею и потребитель снова был готов потреблять. И капитализация опять шла в рост...

Сегодня же такого почему-то не происходит. И это всех напугало: почему не происходит?! Отчего пауза депрессии затягивается настолько, что ее проще назвать второй волной кризиса?

Дело в том, что раньше, когда передовые экономики, избавившись от перегрева в виде высоких курсов собственных валют, высоких ставок на кредиты, завышенных потребительских запросов, дисбаланса инвестиций и прочего, вновь переходили к простому всасыванию, им было откуда всасывать! Мировое хозяйство тогда не было столь глобализировано, как сейчас. И состо-

ОБ АВТОРЕ

ЕЛФИМОВ Вадим Алексеевич.

Родился в 1961 году в г. Кишиневе (Молдова).

В 1985 году окончил факультет международных отношений и международного права Киевского государственного университета имени Т. Шевченко.

В 1985–1989 годах работал на различных должностях в Управлении международных связей Президиума Академии наук Украины и на кафедре истории международных отношений и внешней политики Киевского государственного университета. В 1990–1997 годах – научный сотрудник Института социально-экономических проблем зарубежных стран НАН Украины, преподаватель Украинского института международных отношений и международного права, Киевского государственного университета. В 1997–2001 годах – доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, с 2001 года – доцент кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Кандидат исторических наук (1991), доцент.

Автор более 70 научных работ. Пишет детективы под своим именем, а также под псевдонимом Вадим Вершинин.

Сфера научных интересов: анализ современных геополитических процессов, внешняя политика, американистика, изучение PR-технологий.

яло оно из нескольких отдельных, довольно самостоятельных отсеков, соединенных между собой лишь с помощью клапанов неэквивалентного, т.е. неравного торгового обмена. Проще говоря, те же Соединенные Штаты, Францию или Великобританию третьи страны интересовали лишь как рынки сбыта, рынки сырья, иногда как ристалища идеологических сражений с Советским Союзом – и только. А что происходило в них помимо этих трех функций, навязанных им мировыми «центрами», никого не волновало. Никто же не задумывается, отчего бананы растут на банановом дереве, растут – и слава богу!

Но как только общая подлодка пускала пузыри из балластных цистерн наружу и начинала идти ко дну, капитан при помощи неэквивалентных клапанов перераспределял внутреннее давление, находил его «излишек» и пускал обратно в балластные цистерны. И подлодка снова всплывала на перископную глубину. А угроза катастрофы миновала. При этом перископ и центральная рубка неизменно оставались в руках «капитанов мировой экономики» – пяти-шести индустриально развитых государств. Сначала каких-то двух противоборствующих блоков, скажем «Антанты» и «Тройственного союза». Потом «большой шестерки», теперь – «восьмерки». Но уж никак не «двадцатки»!

Сегодня, когда экономика после кризиса 2008 года вновь вышла на фазу «всасывания», вдруг оказалось, что всасывать неоткуда. Или почти неоткуда. Как следствие, изъять у кого-нибудь «излишек», чтобы обеспечить всплытие, тоже нельзя. Это результат как раз глобализации. За двадцать лет, что прошли после развала Советского Союза и биполярной экономической системы, те, кто их развалил, максимально воспользовались своей победой. И не столько идеологически, сколько экономически. Они настолько глобализовали мировую хозяйственную систему, столь масштабно и глубоко завязали ее на свои собственные эгоистично-корпоративные интересы, что уже наложили руку почти на все ресурсы и исчерпали все «излишки». Победившая американская глобализация настолько тотальна, столько успела вобрать в себя своих бывших противников, противвесов и кон-

курентов, что на фоне ее нового экономического тоталитаризма настоящим нонсенсом, едва ли не бельмом смотрятся островки ресурсов и осколки рынков, не охваченных ею. Это Куба, Северная Корея, Иран – «последние из могикан» товарных племен, гордо отказавшиеся от даров глобализации. И еще пару-тройку иных стран, называть которые означало бы навлекать на них гнев Вашингтона и излишне торопить события.

Демонстрация противников милитаристской политики США

В общем, глобализация исчерпала глобализацию. Распространив всюду свои стандарты, проведя ревизию всего и учтя все, она не оставила ни оперативного простора, ни загашника у мировой экономики. Это не означает, что мы уже исчерпали возможности мирового хозяйства; это означает, что мы исчерпали возможности его капиталистического пользования.

На повестку дня логично выходят два вопроса: 1) либо менять метод использования мировой экономики, т.е. переводить ее на некапиталистические принципы функционирования; 2) либо надеяться на внутреннюю переделку старой капиталистической конструкции, с перераспределением уже имеющихся «отсеков», т.е. рынков. Любой досужий наблюдатель скажет, что первый вариант означает, вероятней всего, революцию, а второй – эволюцию. И ошибется. Ибо как раз первый вариант оставит в целостности уже имеющийся фрейм экономики – ее каркас, несущие связи, даже, во многом, конфигурацию внутреннего баланса, и лишь изменит ее цели. А это и есть эволюция.

И переориентация на новые рубежи роста. Второй же вариант будет с неизбежностью означать новый – и последний! – передел мира, и без того уже максимально перераспределенного между нынешними главными игроками. Стало быть, развитие прекратится, а это похуже революции.

Действительно, второй вариант – с переделом мира при помощи высокоточного, ядерного и другого оружия, с привычкой вооруженного «давления» именно на мирное гражданское население, а не на военных – наводит на весьма грустные геополитические размышления, которые выглядят все менее абстрактными, а все более и более практически актуальными. Многим наблюдателям и экспертам сегодня уже не отделаться от ощущения «дежа вю», дескать, события начала XX и XXI веков начинают подозрительно напоминать друг друга, как в искривленном историческом зеркале. Уж не пахнет ли третьей мировой войной? Даже недавнюю гибель у итальянских берегов круизного лайнера «Коста Конкордия» некоторые стали сравнивать с катастрофой «Титаника» в холодной Атлантике, благо два события разделили ровно сто лет. Потраченных, как оказалось, абсолютно зря, если смотреть на них сквозь способность человечества предугадывать опасности и избегать повторения собственных ошибок.

Верхушка мировой экономики сегодня перешла к активному всасыванию, дабы привычно начать «откат» экономических показателей к докризисным значениям, а затем и их росту. Но, как оказалось, она второй год сосет пустышку. Что иллюстрирует простой факт: ведущая экономика мира, американская, нынче увеличивает свой долг на 1 миллиард долларов ежедневно. Теперь совершенно очевидно, что всасывание идет, и как никогда активно, и как никогда безрезультатно! Еще одно доказательство: осознав, что в остальных отсеках мировой экономики уже невозможно добыть излишки давления, дабы всплыть, Штаты впервые за последние 80 лет пошли на необычный ход. Кстати, к нему прибегают довольно редко – лишь накануне крупномасштабных мировых войн, что симптоматично. Итак, Вашингтон занялся неэквивалентной перекачкой не в нижних отсеках, как бывало раньше, а прямо на центральном посту в рубке, т.е. стал

отнимать излишки у своих же ближайших партнеров по ареопагу – у стран Европейского союза. Это чревато отчаянной схваткой на самом верху, но именно так американцам удалось переложить бремя того, что во всем мире знают как ипотечный кризис, на головы европейцев. И хоть сие здорово подрывает трансатлантическое союзничество, зато дает надежду самим Штатам выйти из экономического пике.

Одним дает, у других отнимает. В данном случае отнимает точно такую же надежду у Объединенной Европы. До которой по «непонятым» причинам докатилась вдруг через всю Атлантику волна знакомого и, казалось бы, уже отхлынувшего американского финансового кризиса. Произошло это со странным запозданием на 2 года и будто совсем не замечая того очевидного факта, что как раз в Европе никогда особенно не переигрывали ни с ипотечным кредитованием, ни с перекачками друг другу «токсичных» активов.

Во время акции протеста в Афинах против сокращения минимальной зарплаты в частном секторе, урезания пенсий и увольнения госслужащих. 2012 год

Разве что так же, как американцы, европейцы полюбили делать долги, да еще по привычке накручивали спекулятивные акции. Вот и лопнуло там, где в процентном отношении оказалось более всего долгов на душу населения, т.е. в Греции. Однако механизм передачи кризисной эстафеты от США к ЕС так и остался непонятен для большинства экспертов: что именно послужило спусковым крючком? А между тем абсолютно ясно: просто американцы впервые за долгие годы масштабно применили неэквивалентный обмен кризисным давлением не с «третьими странами», а со своими союзниками.

Что, естественно, повергло в уныние даже самых ярких трансатлантистов в Европе. Не зря в том же Давосе президент и основатель форума Клаус Шваб, отгалкиваясь от нынешних проблем еврозоны, поставил перед участниками задачу срочной модернизации. Возникает законный вопрос: что именно он хочет модернизировать? И Шваб сам отвечает: «Капиталистическая система в ее нынешнем виде более не соответствует реалиям окружающего мира. Нужна немедленная и глобальная модернизация». Тем самым Шваб дает ясно понять, что из рассмотренных выше предпочитает первый вариант развития событий, а именно модернизацию. То есть изменение, эволюцию и перестройку капитализма.

Предпочитает, естественно, переделу мира. Который, конечно, оставит капитализм нетронутым, но только в качестве музейного экспоната для каких-нибудь инопланетян, которые, возможно, залетят когда-нибудь в далеком будущем на безжизненную Землю... Чтобы избежать столь мрачных политических фантазмагорий в стиле Голливуда, нужно уже сейчас и весьма активно приступать к модернизации, как выразился Шваб, окружающей нас капиталистической системы – это во-первых. А во-вторых, спасти существующую систему глобальной безопасности.

По-настоящему продуктивно модернизация капитализма может двигаться лишь в одном направлении – в сторону отказа от эгоцентризма в политике и экономике, в сторону социал-демократической (в противовес неолиберальной) модели, усиливающей социальную ответственность капитала. Значит, необходимо постепенно двигаться к подчинению интересов частного бизнеса интересам всего общества, а вовсе не наоборот – подчинения интересов общества интересам частного бизнеса, что мы сегодня наблюдаем сплошь и рядом по всему миру. Таковую социальную ответственность капитала, вовсе не лишенного своих позиций и позитивных свойств в экономике, а, наоборот, имеющего возможность плодотворно работать, но во благо не только себя самого, но и во благо всех, можно обеспечить лишь с помощью сильного государства. Волонтаризм которого необходимо – и абсолютно возможно! – ограничить сильным гражданским обществом.

В контексте такой модернизации полезным для мирового сообщества может оказаться и опыт белорусского государства. В Беларуси предпринята попытка сформировать такую модель развития, которая сочетала бы в себе государственное регулирование и социальную ориентацию экономики. И сейчас,

Беларусь сохранит свою социально-экономическую модель развития. Об этом заявил Президент Беларуси Александр Лукашенко 17 июня 2011 года на пресс-конференции для центральных и региональных белорусских СМИ

когда под давлением «второй волны кризиса» схлынула знаменитая «вторая волна консерватизма», пришедшая в мир еще в 80-х годах прошлого века (с приходом к власти крайне правых политиков, таких как Рейган, Тэтчер и Коль), – оперативный простор для реализации неосоциальной модели оказывается широко распахнут. А сам неосоциализм, как и социал-демократическая модель, выглядят хорошо подготовленными всем ходом развития и самозатухания неоконсерватизма. Достаточно сказать: соотношение государственной и частной собственности, скажем, в той же Франции, уже достигло «золотой середины» – 50:50, что обеспечивает здоровый баланс между общественными и частными интересами. И является материальной базой для неосоциализма. Не говоря уж про реальную возможность прихода к власти в текущем году социалистов под водительством социалиста Франсуа Олланда. И даже в Америке, флагманской канонерке мирового частного предпринимательства, за 90-е и нулевые годы доля государственного сектора подросла до 30 %. Не стоит также забывать, что многие республиканцы открыто называют демократа Барака Обаму «социалистом» – столь социалистичны некоторые его воззрения.

Беларуси вряд ли стоит публично вмешиваться в извечный спор «измов», который, несомненно, разгорится с новой силой на выходе из мирового кризиса. Белорусская модель прагматична и вполне соответствует знаменитому выражению Дэн Сяопина: «Не важно, как зовется кошка, лишь бы она ловила мышей». И вовсе не наша вина в том, что непредвзятые весы истории постепенно склоняются в сторону общественной пользы, как бы ее ни называть. Вероятно, для того имеются мощные объективные предпосылки, коль вместе с весами разворачивается постепенно и вся планета, и, стало быть, Беларусь просто оказалось в мировом тренде. Может, даже на один шаг впереди этого тренда – именно поэтому ее опыт (со всеми очевидными успехами и ошибками, которые тоже, к сожалению, неизбежны) следует изучать не только отечественным экономистам и социологам.

Если в глобальной социально-экономической сфере ориентиры выхода из кризиса постепенно прорисовываются достаточно ясно и даже обещают свет в конце тоннеля, то разглядеть их сквозь дым пожара, что быстро разгорается в «нефтяной бочке мира» – на Ближнем Востоке, становится все труднее. Действительно, что нам делать в сфере безопасности – той самой, которая буквально на наших глазах катастрофически сокращается, точно шагреновая кожа?

Известны слова Александра Лукашенко: «У Беларуси нет геополитических амбиций, но у нее есть геополитические интересы». И вот этот геополитический интерес – в сохранении глобального мира – один из первых для нас. Сегодняшний крайне глобализированный мир настолько взаимозависим и настолько расширился, что истончился до чрезвычайной хрупкости. А экономические неурядицы, угроза уже ползущего по планете, пробующего свои когти последнего передела рынков, начинают оставлять на нем новые царапины и трещины... Миру сейчас, как никогда за всю послевоенную историю, нужен твердый костяк, незыблемая структура, способная удержать его в целости.

Именно в условиях глобализации планета фактически оказалась без действующей системы безопасности. Старая система, доставшаяся в наследство от холодной

войны, была поделена пополам дважды: один раз – когда от нее отвалилась Организация Варшавского договора и осталось только НАТО, и второй раз – когда НАТО политически «поглощило» ОБСЕ. Таким образом, сохранилась лишь одна организация, которая теперь отвечала за все: и за военную составляющую, и за политику, и за сохранение границ, и за диалог с Востоком, и даже за ближневосточное «урегулирование», не говоря уж о центрально-азиатском. И которая подмяла под себя еще и универсальный международный институт – ООН. Такое расползание единоличной компетенции НАТО и обретение им несвойственных для чисто военной организации функций, быть может, и подтолкнуло НАТО к расширению (во всяком случае, по мнению некоторых европейцев), но привело лишь к одному: многократному усложнению его задач. А военные средства, как и блоковое мышление, сами собой подталкивают к простым решениям сложных проблем. В результате, череда конфликтов на терри-

Акция протеста на международной конференции по Афганистану

тории самой Европы, в которые оказался вовлечен Североатлантический блок, затем попираание Хельсинкских постулатов и перекройка границ и – на завершающей стадии – международно-правовой тупик, когда одним нациям доступно право на самоопределение, а другим – нет.

А сегодня это еще и окончательная деградация Организации Объединенных Наций, которая уже не способна решить ни одной из своих задач и оставила себе, кажется, только одну функцию – юридически «прикрывать»

«экспорт демократии» и любые военные акции Соединенных Штатов.

Казалось бы, нет и быть не может в современном мире иной безопасности, кроме как глобальной. Казалось бы, здесь четче всего прослеживается железная связь с глобализацией всех процессов. Более того, именно безопасность стала первым «глобализированным» процессом, зародившимся в недрах ядерного века, ускоренным маховиками биполярной системы и выпущенным как бы по инерции в эпоху «постконфронтации». Но почему не прошло и пары месяцев после громогласно объявленного окончания холодной войны, а постконфронтационная эпоха начала стремительно наполняться новыми конфликтами? Почему число этих конфликтов сегодня все множится, и все разнообразней становится их география, угрожая противопоставить глобальной безопасности глобальную нестабильность?

Если обратиться к исторической ретроспективе, то станет ясно: человечество всегда тратило на безопасность львиную долю ресурсов, отрывая их от своих творческих потенциалов. Да и в перспективе просматривается пока все та же тенденция, только усугубляющаяся в геометрической прогрессии. А по-настоящему новой можно будет считать только такую архитектуру безопасности, которая напрочь откажется от затратного принципа функционирования; которая не только перестанет тратить ресурсы человечества, но, наоборот, начнет приносить – прямо или косвенно – эти самые ресурсы. Вот тогда-то безопасность станет экономически выгодной, а насилие, война, угрозы войдут в список гигантских и совершенно бесполезных трат, ведущих к банкротству их зачинщиков. Нетрудно понять, что такое положение вещей повлечет за собой изменение мотивов для внешней политики и, в конечном счете, перевернет всю систему международных отношений с головы на ноги: система станет не «постконфликтной», а истинно бесконфликтной.

И такое может произойти только в рамках модернизации и перестройки существующей капиталистической системы в нечто новое, социально ориентированное. И эффективное с точки зрения интересов мирового сообщества, а не отдельных стран или блоков.

Круг замкнулся: сохранение глобальной безопасности возможно только в ходе такой глобальной модернизации капитализма, которая, сохранив капиталистическую эффективность мировой хозяйственной системы, сохранив ее конкурентный характер, все же переведет стрелку ее целеуказателя на общественные потребности и запросы.

Во время студенческой акции протеста в Лондоне

И тогда у человечества, как у Архимеда, появится рычаг, только не эфемерный, а реальный: экономическая заинтересованность в стабильности. До сих пор наибольшие прибыли приносили войны. На втором месте по прибыльности остаются угрозы применения военной силы: их надо обеспечивать соответствующим военно-техническим потенциалом, который очень дорого стоит. На третьем месте – прямая торговля оружием. Если рядом с экономическими показателями этих трех «монстров» поставить сегодня бизнес-проект под названием «мир», тот покажется банкротом. Но лишь пока.

На самом деле мир может приносить более высокие дивиденды, нежели война, а главное – стабильные. Но для того чтобы понять это, нужно поменять цели развития мирового хозяйства: оно тоже должно обрести социальную ориентацию, такую, как и белорусская модель.

И это будет белорусский вклад в новую, посткризисную глобализацию не по-американски, – глобализацию, которая открывает, а не закрывает перспективы глобального развития. ▀